

ОХОТА НА ЗАЙЦА

Хочу рассказать о еще одном человеке, с которым судьба свела меня в Афганистане.

Подполковник Николай Леонидович Заяц, на момент моей первой встречи с ним в марте 1983 года — начальник разведки 108 мсд.

Тогда нас, всех начальников разведки соединений, вызвали на расширенный Военный совет армии, где давали хорошего «прочухона» за усилившуюся активность «духов» на трубопроводе Термез—Баграм. Ежедневные (а точнее еженощные) диверсии, сотни тонн вылившегося на землю горючего, но Ограниченный контингент не мог что-либо серьезного против этого предпринять.

Как всегда в таких случаях, во всем обвинили разведчиков. Начальник штаба 40 А генерал-лейтенант Тер-Григорянц чуть ли не с пеной у рта обвинял нас в преступной халатности и нежелании вести разведку: почему мы не знаем, кто и где будет пробивать трубопровод... Короче говоря, нашли стрелочников.

А ведь надо было бы просто навести порядок в трубопроводной бригаде. Ведь только им были выгодны аварии и диверсии на трубопроводе: списывая на душманов огромные потери топлива (авиационного керосина), они на самом деле торговали им направо и налево, продавая за бесценок афганцам. Кстати, когда через полгода посадили большую группу офицеров и прапорщиков этой бригады, то активность душманов на трубопроводе почему-то значительно снизилась.

Я несколько отвлекся от главной темы. После этой встречи, мы встречались еще несколько раз, опять же в Кабуле. Подполковник Заяц, небольшого роста, плотного телосложения, произвел на меня впечатление как человек хозяйственный и обстоятельный. Однако, эти качества, необходимые офицеру, особенно командиру в мирное время, абсолютно не ценились на войне. Там особо ценилась личная храбрость, умение организовать бой и беречь солдат.

Беречь в том смысле, что опять же с умом организовать и вести бой, не делать карьеры на чужих жизнях, заботиться, чтобы солдат был всем обеспечен, начиная с сухого пайка и кончая артиллерийской поддержкой. Не говорю уже об организации медицинского обеспечения, помощь раненым — это главное. На войне ни один не застрахован от этого.

Вот такого командира подчиненные будут носить буквально на руках и пойдут с ним в огонь и воду. А в разведке вдвойне.

Заяц же в бой не рвался, инициативы не проявлял. Будь он тыловиком или «технарем», я абсолютно уверен, что он отлично бы отслужил свой срок в Афганистане, получил бы орден и с почетом уехал в Союз. Но он был разведчиком и от него требовалось совсем другое.

Хорошо зная его непосредственного начальника — начальника штаба 108 мсд полковника Кандалина Геннадия Ивановича, бывшего у меня в Кушке командиром полка, его требовательность, нетерпимость к безынициативности, я не особенно удивился, когда в августе 1983 года узнал, что, по инициативе Кандалина, Заяц был снят с должности с формулировкой «за утрату руководства разведкой и личную неподготовленность».

После долгих раздумий, что же с ним дальше делать, его направили с понижением начальником разведки 122 мсп нашей дивизии вместо недавно погибшего в засаде майора Бондаренко.

Майор Б. Алдохин,
командир разведроты
122 мсп

В Афганистане это было не диковинкой. В нашей же 201 мсд за два с небольшим года сменились два начальника разведки дивизии с подобной формулировкой. Подполковник Рыженко в 1981 году был направлен в 860 омсп (Файзабад) начальником разведки, а мой предшественник подполковник Р. С. Захаров в начале 1983 года отправлен в Союз на майорскую должность в Самарканд.

Я уже ранее говорил, что в Афганистане (как и в Великую Отечественную войну) очень популярно было отыгрываться на разведчиках. Далее я в этом убедился на собственном опыте, но эта другая история.

Поэтому известие о назначении в нашу дивизию Зайца я встретил спокойно. Хотя в разведке 122 мсп складывалась ситуация парадоксальная. Командиром разведывательной роты там был тоже снятый с должности начальник штаба 1083 дорожно-комендантского батальона из Суруби майор Борис Алдохин. Правда, снят он был не за служебные упущения, а за то, что, выпив с друзьями, они колесили на БТР по Кабулу и нарвались на члена Военного совета армии.

Тем не менее, я знал, что Заяц — офицер опытный, в разведке прошел все должности, в ГСВГ был командиром разведывательного батальона и неплохо там зарекомендовал себя. Так что мало ли чего не бывает в жизни?

Где-то недели через две я встретился с ним, мы поговорили, настроен он был оптимистически, я поддержал его и мы расстались обоюдно удовлетворенными. И меня почти не насторожило заявление майора Алдохина, что Заяц трус и от него можно ожидать всякого. Я по-человечески понимал, что Заяцу почти 40 лет, у него двое детей, к тому же снят с должности не совсем справедливо, т.е. комсомоль-

ского энтузиазма ждать от него глупо. Делает человек свое дело — и ладно.

Однако последующие события показали, что я был не прав, и Заяц был совсем не заяц, а тянул на хорошего волка.

16 октября произошло следующее. Разведывательная рота полка во главе с Зайцем вышла на засаду (командир роты Алдохин был в санчасти). В качестве проводника взяли пленного душмана из местных жителей того района. Он сообщил о прохождении в ту ночь каравана с оружием. Данные были настолько важными, что пленного сопровождал офицер ХАД в звании майора. Вышли ночью в проливной дождь.

Дальше рассказываю словами самого Зайца, с которым я беседовал через несколько дней после случившегося.

«...прошли километров 10, я решил сориентироваться по карте. Остановил колонну, вместе с афганцами отошли за бархан метров на 50, чтобы определить направление по компасу. Смотрю я на карту, вдруг вижу, что пленный душман напал на офицера ХАД и пытается вырвать у него автомат. Я инстинктивно дал очередь по «духу», но упали оба. Смотрю, оба мертвые...»

Командир взвода и солдаты, бывшие свидетелями этого показали, что, после того как Заяц с афганцами ушел за бархан, вскоре они услышали выстрелы. Прибежав туда, они увидели, что афганцы лежат мертвые, а Заяц стоит рядом с автоматом в руках. Все это было более или менее похоже на правду, хотя кое-где возникают вопросы.

Но вот дальше идет вообще несуразное. Заяц приказывает взять автомат хадовца, они бросают трупы убитых в степи и возвращаются в полк. Там он докладывает командиру полка о том, что афганцы оказались предателями, хотели убить его, но он их опередил и застрелил наповал обоих.

Командир полка подполковник Валентин Зубко не стал особо в этом разбираться: случаев измены афганцев было немало, он так и доложил утром командиру дивизии.

Вопрос, казалось, был исчерпан, но к вечеру в полк приехал советский советник ХАД с афганскими офицерами-хадовцами и поинтересовались, где душман и сопровождающий его офицер. Они не прибыли утром, что с ними?

Версии Зайца они однозначно не поверили, советник потребовал от командира полка привезти трупы, вызвал афганского врача, который освидетельствовал их. Потом он допросил офицеров и солдат роты, и четко доказал, что Заяц совершил умышленное убийство двух человек.

Доложили наверх, случился громкий скандал, командир дивизии немедленно отстранил его от должности и вызвал в Кундуз для разбирательства.

Я позже еще не раз говорил с Зайцем. Спросил его, ведь все можно было представить совсем по-другому. Всего-то нужно было не бросать убитых афганцев в степи, а привезти их в полк и доложить, что рота сама попала в засаду и афганцы убиты душманами. Ведь других афганцев с ними больше не было, а офицеры и солдаты роты подтвердили бы все, что им сказали. И все!!! Никто не стал бы больше разбираться. Хотя, конечно, если бы достали пули из афганцев калибра 5.45-мм от автомата АКС-74, которые были только у наших. Ну, а если бы еще и провели баллистическую экспертизу оружия Зайца, то обязательно бы установили оружие, из которого их убили. Но ведь это в нормальных условиях, а здесь маловероятно, что это стали бы делать.

Заяц мне тогда сказал, — «я не захотел обманывать». Довольно наивное объяснение для 40-летнего мужика. А я думаю, что он наоборот хотел огласки.

Теперь я думаю, что Алдохин был прав. Заяц ужасно трусил: и в дивизии, где был начальником разведки, ну и

тем более в полку, где жизнь была намного опаснее. Видимо этот животный страх толкнул его на преступление. Он считал так, кто будет поднимать шум из-за каких-то афганцев?

Снимут его и с этой должности, отправят потихоньку в Союз от скандала подальше, а там он свое наверстает. Не учел он того, что убил не просто афганца, а офицера госбезопасности, а это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Высоких покровителей у него не было, и покрывать его никто не собирался.

Вопрос о нем решался на самом верху, а там не знали, как с ним поступить. Судить его или ограничиться административными мерами: исключить из партии, уволить из армии?

Конечно, по закону за совершенное двойное убийство — суд без разговоров. Но опять же, сажать в тюрьму старшего офицера, подполковника, год честно выполнявшего свой долг в Афганистане, тоже как-то не с руки.

Поэтому где-то месяца два Заяц находился как бы между небом и землей. От должности его отстранили, что с ним делать не решили. Чтобы чем-то его занять, начальник штаба дивизии полковник В. И. Чернов пристроил его в оперативное отделение, где он стал заниматься службой войск, проверкой охранения и т.д.

В разведку брать его я отказался. По моей просьбе в 122 мсп прислали из резерва капитана А. В. Гриценко, который там добросовестно выполнял свои обязанности до конца моей службы в Афганистане. Да и не до Зайца мне было: не маленький ведь, сделал сам все умышленно, пусть сам и отвечает.

А где-то в конце января, наконец, приняли решение по нему: однозначно — судить! Арестовывать его не стали, мол, куда он денется с подводной лодки. Но, как впоследствии оказалось, — напрасно, так как он дезертировал.

Из встреч со следователем он уяснил, что «светило» ему со всеми смягчающими обстоятельствами лет 9–10 тюрьмы, и суда не избежать. Он был в огромной растерянности, не ожидал такого. Видимо, от беспомощности и невозможности что-либо изменить он и решил нелегально пробраться в Союз, а там уж как получится. На Волыни, откуда он был родом, что ли собирался в бывших бандеровских схронах отсиживаться? Впрочем, это все мои фантазии. Что он планировал и что решил, знал только он сам.

Фактом было только то, что 15 марта 1984 года он дезертировал.

Помог ему в этом удобный случай. Дивизия выходила на боевые действия в провинцию Бадахшан. В течение нескольких предшествующих суток обычная в таких случаях суматоха и неразбериха. Формируются колонны, из гарнизона в гарнизон снуют группы машин — чего в обычных условиях не допускалось.

Картина такая. Стоит у дороги БРДМ-2 комендантской роты дивизии, в машине один водитель. Подходит Заяц и между ними состоялся такой диалог: — «твоя машина выходит на операцию? — Выходит. — Готов к выезду, машина исправна, заправлена? — Все в порядке. — Давай-ка я проверю».

Водитель знает подполковника как офицера штаба дивизии, не раз проверявшего их роту. Без всякой задней мысли он вылезает из машины, Заяц занимает его место, заводит двигатель и уезжает.

Стоит солдат час, стоит два. Уже темнеет, машины нет. Мимо проезжает командир их роты, спрашивает, почему он здесь стоит. Солдат объясняет ситуацию. В гарнизоне всего одна дорога вокруг аэродрома, потеряться негде.

Ротный объехал гарнизон, ничего. Забеспокоился. Доложил начальнику штаба дивизии, тот распорядился на-

чать поиски. Выясняется, что БРДМ в 15:30 прошел через КПП в боевом охранении с небольшой колонной в Северный Кундуз, о чем имеется запись в журнале. Позвонили туда, выяснили, что БРДМ действительно шел в колонне, но в гарнизон не прибыл.

Утром выслали пару вертолетов, которые вскоре обнаружили его в 20 километрах северо-восточнее Кундуза в зеленой зоне уезда Калаи-Золь у кишлака Саксаколь, места в полном смысле бандитского. Немедленно выслали туда батальон 149 мсп, через некоторое время сообщили результаты: БРДМ полностью разобран, снято вооружение, все агрегаты, даже колеса — осталась одна броневая коробка. Следов боя нет. Допрошенные местные жители показали, что вечером эта машина застряла на этом месте. Из нее вышел офицер, попытался объясниться с подбежавшими мальчишками. Видя, что кроме офицера больше «шурави» нет, а офицер без оружия, подошли человек 5 местных душманов и увели его с собой. Больше не удалось узнать ничего.

Все, ЧП! Доложили в армию и округ. Приступили к поискам. Но сложность заключалась в том, что как раз в этот день, с утра, дивизия пошла в Бадахшан на плановую операцию, оставшихся сил было немного и широкомасштабные поиски «по горячим следам» организовать не удалось.

Я тоже уехал с основным составом штаба и вернулся только через месяц. Узнал, что Зайца так и не нашли, хотя поиски постепенно расширялись, в них участвовали уже значительные силы 40 А. Достаточно сказать, что поиски лично возглавил начальник штаба ТуркВО генерал-полковник Кривошеев.

В ходе проводимых боевых действий побили много «духов»: так, в один из дней у кишлака Гортепа была уничтожена крупная банда, взято 75 только одних авто-

матов, 4 пулемета ДШК и много другого оружия, кучи боеприпасов.

Уничтожали банды меньшей численности, но не менее зловредные. Досталось, конечно, и местным жителям.

Но, тем не менее, следы Зайца затерялись. Банда, взявшая его в плен была полностью уничтожена, причем не взяли ни одного пленного. Кто-то из местных видел его, кто-то что-то слышал, потом появились данные, что Заяц был убит во время нашего авиаудара. Эту версию посчитали правдоподобной, его объявили пропавшим без вести и поиски прекратили.

На этом бы и закончилась эта история, но через несколько месяцев я случайно нашел доказательства, свидетельствующие о смерти Зайца.

Где-то в начале октября этого же года я с разведотрядом в 40 человек на 6 БМП с двумя САУ «Акация» действовали в районе степных колодцев Каламкудук (50 км западнее Кундуза). Там был «край непуганых птиц», и душманы ходили свободно.

На рассвете мывнезапно атаковали кишлак, находившийся у колодцев, «духи» боя не приняли, уйти в горы мы им не дали, поэтому им пришлось сдаться. Банда численностью в 36 человек, трофейного оружия — один пистолет «Парабеллум» 1917 года выпуска и несколько старых английских винтовок «Бур».

Как показали пленные, они шли в Пакистан, основная часть людей — молодежь, предназначенная для обучения в учебных лагерях мятежников. Весной они должны были вернуться уже с оружием, обученные и готовые к действиям. При обыске у них были обнаружены документы, в том числе и несколько фотографий, не вызывающих сомнения в том, чем они занимались, хотя сначала они «косили» под мирных жителей.

Один документ вызвал у меня особый интерес. Это было рукописное письмо, на котором стояло 6 печатей. Мой переводчик, хотя и с трудом, прочитал содержание этого письма. Это было как бы рекомендательное письмо, написанное 6 главарями мятежников уезда Калаи-Золь к руководителям мятежников в Пакистане. В нем они описывали подвиги этой банды в цветах и красках. Особо меня заинтересовали слова «... в марте захватили в плен и казнили советского генерала...» Учитывая время и место действия, я понял, что это о Зайце.

Обстоятельно допросив главаря банды муллу Саиджона, молодого человека лет 30, других членов его банды, я пришел к выводу, что нахожусь на верном пути. Сам мулла категорически отрицал этот и другие, приведенные в письме факты. Говорил, что это написано, чтобы придать «веса» его группе, чтобы получить больше помощи и оружия. Советского офицера он даже не видел, хотя и слышал о нем. Назвал имя главаря банды, которой Заяц сдался, это совпадало с ранее полученными данными.

Зайца «духи» хотели отвести в Пакистан. Такая удача! Подполковник Советской Армии, к тому же сам сдавшийся в плен — такого у «духов» за все годы ни до, ни после в Афганистане не было.

За него можно было получить большие деньги. Дело в том, что в Гааге (Нидерланды) действовала международная комиссия ООН по расследованию советских преступлений в Афганистане. Наши пленные выступали там в качестве свидетелей, давали показания.

Это были в основном дезертиры, да и что особо возьмешь с солдата, что он видел и что он знает, кроме своей роты? Заяц — особая статья. До сих пор офицеров такого ранга в плен еще не брали. Но пока «духи» решали, что им делать с Зайцем, передавали его из банды в банду,

наши плотно заблокировали зону возможного его местонахождения.

Эта зона представляла собой труднопроходимый район в междуречье рек Кундуз и Талукан размером 10 на 20 км. Однако весь этот район окружала пустыня, пройти через которую незаметно было невозможно.

Зайца несколько раз пытались вывезти в горы, но не получилось. Стало ясно, что его захват советскими войсками — дело времени. Совет главарей решил, что раз вывезти его невозможно, а он уже почти 1,5 месяца был у них, видел многих главарей, их базы и схроны, то целесообразно его ликвидировать, как нежелательного свидетеля. Что и было незамедлительно сделано.

Его вывели на берег р. Кундуз, застрелили, тело раздели догола и бросили в реку. Через 1–2 дня его уже нельзя бы было опознать: жара, рыбы и раки сделают свое дело. А бесхозных трупов в реках Афганистана в те годы было предостаточно. Так пропал и погиб подполковник Заяц.

И уж для того, чтобы совсем закрыть эту тему, скажу, что весной 1997 года в Киеве я встречался с сыном Зайца — Вадимом, который жил и работал здесь. Мой адрес дали ему в совете ветеранов Афганистана С. Червонопиского, где я однажды рассказывал эту историю его заместителю В. Абазову. Сыну я все рассказал точно также, как и здесь.

Позднее, через несколько лет в газетах несколько раз возникала тема о пропавшем в Афганистане подполковнике, причем возникали самые невероятные версии — ведь он до сегодняшнего дня числится без вести пропавшим. Писать в газету я не стал, все, о чем я пишу здесь, я рассказал лично его сыну. Поэтому не хочу вторгаться в их семейные дела. Время уже само все поставило на свои места!